

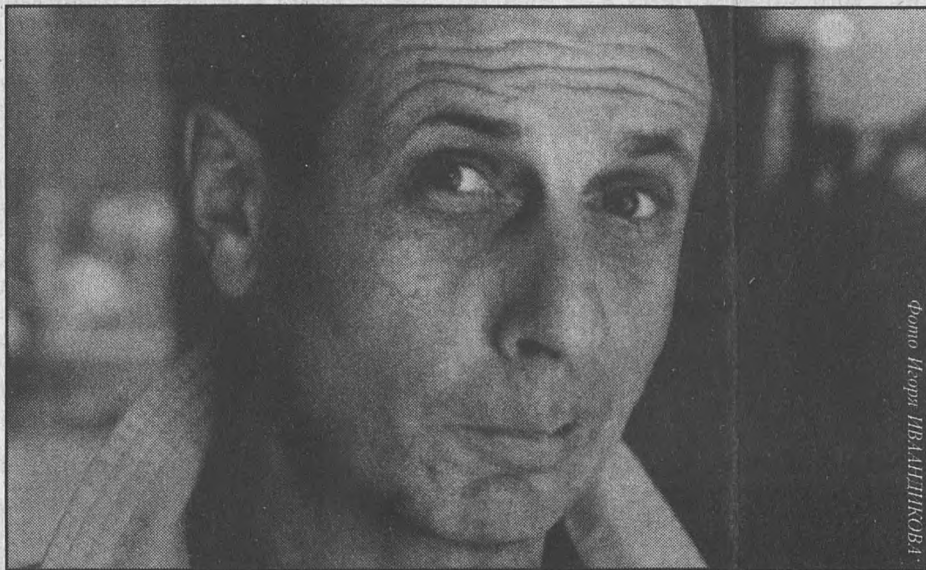


Фото Игоря ПИАНШКОВА

Петербургский кумир. — 1999. — 7 авг. — с. 3

ЧЕЛОВЕК С НЕХОРОШИМИ ВЗГЛЯДАМИ

Русский писатель с эстонским гражданством **Михаил Веллер** — самый издаваемый в России из всех некоммерческих авторов: более 30 книг только за последние три года. Два миллиона общего тиража — и ни одного боевика или любовного романа. Упоительно смешные **«Легенды Невского проспекта»** и только что вышедшие в издательстве «Олма-пресс» **«Легенды Невского проспекта-2»** — самые покупаемые книги в Петербурге. Скандальный мини-роман **«Ножик Сережи Довлатова»** продолжает притягивать громы и молнии. Воспитательный роман **«Приключения майора Звягина»** постранично переписывается студентами и школьниками как инструкция к действию. А не так давно та же «Олма-Пресс» выпустила книгу Веллера со скромненьким и многообещающим названием **«Все о жизни»**.

— О своей жизни вы тоже все рассказываете?

— Я бы предпочел, чтобы читателю была решительно неизвестна моя биография. Ему о писателе ничего знать не полагается. Во-первых, это излишне, а во-вторых, тогда все значительно интереснее. Однако любой человек, который с чем-то вылезает на люди: поет ли он на эстраде или пишет философские трактаты (исключения крайне редки) — все-таки жаждет славы и поэтому готов на то, чтобы сделать достоянием гласности все сведения о себе. Это одна из форм славолубия.

— Попробуем ее хотя бы отчасти удовлетворить.

— Тогда в двух словах. Родился на Украине, рос в основном в Сибири и Забайкалье в военных гарнизонах, что естественно для офицерских детей. Школу заканчивал в Белоруссии, филологический факультет — в Ленинградском университете в 1972 году. После чего сменил — точно не помню — около тридцати специальностей. Трудовая книжка у меня с двумя вкладышами. В 1979 году оказался в Таллине, где и осел на постоянное жительство.

— И как чувствуете себя за границей?

— Я человек экстерриториальный. Воплощаю мечту Конфуция, когда люди, занятые своим делом, знать не знают, кто ими правит. Я постоянно забываю, кто там премьер-министр. Эстония не пишет коротких рассказов по-русски, а я не занимаюсь эстонской политикой. При этом я еще не знаю эстонского языка, но у меня никогда не было в этом живой потребности: я сидел дома и работал, а когда женился, то вообще перестал знать какие бы то ни было языки, поскольку у жены свободный эстонский и английский, так мне русский бы не забыть.

— Как вы относитесь к тому, что некоторые критики называют вас белой вороной в поколении?

— Лестно и не совсем точно. Я никогда не входил ни в какие группировки, тусовки, даже не знал, что там творится. Иногда попадал впросак, потому что говорил что-то не тому и не о том, и отсюда совершенно понятно, что у меня и взгляды-то во многом нехорошие. Здесь мы касаемся одного страшно интересного, но мало разработанного в литературной журналистике и эссеистике вопроса. Литературная среда, которая декларирует свободомыслие, демократию, позор цензуре,

люто ненавидит, категорически не приемлет свободомыслие в собственных рядах.

— Почему?

— Потому, что точка зрения в литературной среде — это не оценка, а символ веры. И когда тебе говорят, что Пастернак гениальный переводчик, а ты возражаешь, утверждая, что он халтурщик, интеллигент-приспособленец, который не мог переводить Шекспира органически, ибо тот абсолютно жизнелюбив, то ты не просто выражаешь несогласие с мнением, ты плюешь всем в лицо. Я никогда не считал Пастернака гениальным переводчиком, а Мандельштама великим поэтом. Точно так же я никогда не считал Ахматову и Цветаеву равновеликими величинами, ибо Цветаева поэт гениальный, а Ахматова достаточно холодный виршеслагатель, хотя и ей иногда было больно и некоторые ее стихи были откровенными и искренними. Я никогда не отказывался от мнения, что ранний Константин Симонов был хороший поэт, никогда не считал Трифонова и Тендрякова большими писателями.

— Отчего такая суровость в оценках?

— Это моя точка зрения, я никому ее не навязываю. И все рав-

но мне не могут этого простить. Дескать, дерьмо, скотина, или самомнение непомерное или козел — одно из двух.

— Каков сегодня ваш круг чтения?

— Круг чтения меняется не только с ходом времени, скажем, в зависимости от возраста, но и в зависимости от эпохи. Если в двадцать лет я больше читал классику и философию, то в тридцать, когда на дворе стоял 1978 год, я занимался исключительно перечитыванием, ибо ничего хорошего в текущей литературе практически не появлялось. В начале 90-х наступила иная эпоха. Если говорить о сегодняшнем круге чтения, то это классическая литература и очень мало из современной. Кроме того, в последние годы появилось много литературы не беллетристической, которая интересна до чрезвычайности: историческая, философская и справочная, все то, чего в прежние годы мы были лишены напрочь. Сегодня именно эти книги читать несравненно интереснее, нежели беллетристику.

— В литературе периодически возникают и возникают знаковые фигуры, кумиры. Однако проходит какое-то время, и при повторном обращении к ним испытываешь, мягко гово-

ря, разочарование. Как у вас с кумирами?

— Поскольку у меня никогда не было кумиров, то и не в чем было разочаровываться. Хотя классе в восьмом я полагал чрезвычайно достойной и умной книгу Чернышевского «Что делать?» И надо признаться, о каких-то вещах он действительно сказал больше умного, чем, например, Жюль Верн. Конечно, пристрастия с годами меняются. Скажем, Хемингуэй был знаменем двух поколений, но то, что воспринималось в 60-е, не могло повториться через двадцать лет. Получалось, что это как бы два различных писателя, потому что с тех пор было много прочитано, переделано, пришла возможность больших сравнений. И вдруг оказалось, что Шервуд Андерсон гораздо лучший новеллист, чем Хемингуэй, который был гениальнейшим из всех мастеров саморекламы в литературе всего двадцатого века, а может быть, и не только этого века, что никак не умаляет его творчества. Просто расширилось поле зрения, только и всего. Когда-то, еще в школе, первые, ударные, суперзнаменитые повести Василия Аксенова были чтением взахлеб. Увы, они устарели очень быстро. Но

надо понимать, кто их тогда читал и сколько лет было читателю.

— О чем ваша последняя книга?

— Это книга, говорю без ложной скромности, каких сейчас не пишут. «Все о жизни» — новая, собственная концепция человека и мира, книга об основах бытия, мироздания, а кроме того, все главное о каких-то основных вещах. Что есть свобода, совесть, слава, зависть. Там идут не рассуждения на разные темы, а анализ моей же собственной теории, где Вселенная на одном конце, а психика человека на другом.

— Завершается век, тысячелетие, подводятся итоги. Кого из отечественных писателей XX века советского периода вы бы оставили на «пароходе», отплывающим в вечность? Назовите десять имен.

— К сожалению, десять имен назвать не могу. У меня получается больше: Исаак Бабель, Борис Лавренев, Всеволод Иванов, Алексей Толстой, Михаил Булгаков, Василий Быков, Василий Шукшин, Владимир Богомолов, братья Стругацкие, Валентин Пиккуль, Юлиан Семенов, Владимир Маканин, Виктор Пелевин и ваш коронный слуга.

Беседовал Александр СИРОТА